

Владимир Иванович Даль

Смотрины и рукобитье

Владимир Иванович Даль

Смотрины и рукобитье

В нашей губернии есть, как вам без сомнения известно, небольшой, но довольно приятный городок *Козогорье*. Он потому небольшой, что невелик; а невелик он потому, что мало охотников в нем строиться; а мало охотников строиться потому, что невыгодно; а невыгодно потому, что каждый дом о пяти или семи окнах занимается лазаретом или швальней, что впрочем, по уверению градского главы, вскоре будет отменено введением равномерной денежной квартирной повинности,— на каковой конец и существует уже в Козогорье с 1817 года особый комитет об уравнивательной раскладке. Поэтому и нет сомнения, что город вскоре обстроится весьма порядочно; итак, оставим это. Приятным я назвал его не по той же причине, по которой он не обстраивается, а совсем по другой; месторасположение, как выражался один уволенный от службы учитель математики, было преблагоприятное; благорастворенность стихий земных, а наипаче небесных, наиблагословеннейшая, особенно если доводилось пройти не по задам,— и река рыбная.

В этом городке, Козогорье, поселились уже

с незапамятных времен два врага-товарища, которых даже бог свел -- вероятно ради христианской мировой, которая, однако же, доселе все еще не могла состояться,-- свел на одну улицу и на один проулок, то есть с угла на угол. Тут стояли, во ожидании грядущих времен, о коих мы говорили выше, две такие жалкие лачужки, что их даже не брали под барабанного старосту со школой его, а разве из нужды совали в них по несколько человек отказных фурлейтов. Обе лачужки эти сильно покачнулись в основании своем, вероятно разделяя чувство взаимной ненависти своих хозяев, потому что покачнулись вразбежку друг от друга и глядели врознь. Так как они были выстроены во время оно помимо всякого помышления о плане и фасаде, то починка их была строго запрещена хозяевам и для острастки на воротах огромными черными цифрами выставлен год, в который они предположены были к сломке. Предположение это, по благости Провидения, не состоялось, как надобно было по крайней мере заключить из самой надписи этой, хотя она была очень грозна; но как цифры эти означали

один из давно прошедших годов, а прошедшим временем никто, даже сам городничий в Козогорье, не располагает, то и выходило на поверку, что обе лачужки эти, назло судьбе своей, все еще стояли на старых местах, дру против друга, подвергаясь впрочем действию и благорастворенности земных и прочих небесных стихий, противу коих хозяева не смели принимать никаких действительных мер.

Два лица, о которых мы говорим и которым принадлежали эти две избушки, были оба люди довольно пожилые, однолетки, впрочем, даже некогда товарищи по семинарии, потом товарищи по званию, как вышедшие из духовного звания и посвятившие себя образованию последующего за ними поколения, оба холостяки и наконец оба бывшие учителя уездного училища. Я бы мог преследовать сходство это еще далее, сказав, например, что они оба были довольно лысы, оба по разу или по два в году допивались до чертиков, оба любили дразнить мимоходом собак; но я лучше укажу на разницу их друг от друга, потому что это поведет нас к разрешению

причины этой загадочной ненависти и взаимной вражды.

Кондратий Семеныч до старости остался верен своему званию, посвятив себя преимущественно наукам, и в особенности наукам точным, отвлеченным. Он не терпел никакого корыстного применения или приложения этих наук и больно бивал палями учеников за все клонящиеся к подобному кощунству вопросы. Поэтому он и ненавидел вопрос о вечном движении и никогда им не занимался; но зато давно уже разрешил квадратуру круга и разделил угол на три части. Кондратия Семеныча и не называли иначе в целом Козогорье, как плешивым математиком.

Филипп Иваныч учил в былое время всему, чему его учить заставляли, но только по казенной надобности: для себя он исключительно занимался изящными предметами, то есть скрипкой. Это была его страсть, и он за нею забывал все, почему его в Козогорье и называли плешивым музыкантом. Он был всегда весел, говорил просто и считался приятным собеседником,— тогда как Кондратий Семеныч, напротив, расхаживал всегда и везде

будто в классах уездного училища, перед тремя скамьями мальчишек, то есть чинно, степенно и даже отчасти грозно; а говорил он таким отборным языком, что когда ему случилось проходить за какою-нибудь покупкою в козогорский гостиный двор, где было лавок до восьми, то все сидельцы сходились около него, чтобы послушать его отборных речей. Мало того: этот человек приобрел постепенно такой вес и влияние на сидельцев, что они старались подражать ему в разговоре и, нахватавшись от него разных преученых и превысоких слов, рассыпались ими перед неучеными покупательницами. Они, например, уже не изъяснялись иначе, выхваляя ситец или бумажный набивной платок, как: "пре-редкостнейший товар, самоизобличительнейшей красоты; купите, сударыня матушка, то есть что называется пречудовно благодарны быть изволите".

Что касается до природного нрава соперников наших, то я скажу только одно: оба они охотно дразнили по улицам собак,— это я уже сказал; но теперь поясню, что плешивый музыкант делал это, забавляясь довольно глас-

но, то есть залаяв мимоходом вслух на сонную собаку и испугав ее или замахиваясь на нее палкой; плешивый математик, напротив, уськал только исподтишка, заметив, что никого поблизости не было, или заглянув наперед мимоходом в калитку и удостоверившись, что людей на дворе нет, толкал тростью в ворота, а сам чинно проходил своим путем, будто и не знал о чем идет речь, когда собака бросалась с остервенением в подворотню.

Согласно с этими естественными склонностями, Кондратий Семеныч и ходил постоянно в темном долгополом сюртуке, в высоком галстуке на костичках и сам был довольно высокого роста; Филипп Иваныч, напротив, был некогда рыжеват, а росту остался и поныне поменьше среднего, с подгибными коленями, с косолапыми, выворотными ладонями, сапогами с кисточками, синем вовсе проношенном фраке и с измятой круглой шляпой.

Как только, бывало, приятный город Козогорье осветится утренним солнцем, то музыкант наш брал в руки смычок и скрипку -- а

этой мебелью у него были увешаны все стены — подходил к открытому окну и, распутив пять пальцев по самой отчаянной аппликатуре, начинал корчить соловья. Через полторы минуты, хоть по часам проверить, являлся у своего окна, насупротив, математик и, покачивая головой, произносил, выдвинув под конец речи подбородок: "Чтоб тебе в квинту высохнуть!" Затем он поспешно закрывал окно, между тем как музыкант, уловив это самое мгновение, кричал соседу через улицу: "Чтоб тебе углом подавиться!" Этим беседа их обыкновенно оканчивалась; изредка только разговор становился несколько крупнее, но вообще Кондратий Семеныч держал себя на благородной дистанции, а потому и не считал приличным входить в дальнейшие перебранки; но на следующее утро слышалось опять то же обоюдное приветствие, так что соседи, вместо того, чтобы спросить: а что, есть ли седьмой час?—спрашивали вместо того: а что, бранились плешивые или нет еще?

И домочадцы их жили точно в таком же ладу. У Филиппа Иваныча была в доме работница, которая стряпала, хозяйничала, двор-

ничала, носила воду и получала за это по полтине серебра в месяц; у Кондратия Семеныча, напротив, хозяйство устроено было на более тонком основании: он пустил к себе жильцов, сделавшись сам их нахлебником и обязав бабу отправлять вышереченные обязанности в доме бесплатно и еще сверх того по разу в месяц носить продавать по домам детские игрушки, на выделку которых он был большой искусник. Когда же приходил праздник или ожидалось в Козогорье губернское начальство и кто-нибудь из членов почтенного семейства полицейского жошалога, городского, рассыльного и базарного обходил по дворам со строгим оповещением подмести улицу, то каждый раз случалось вот что: лукавый Кондратий Семеныч выжидал исподтишка -- и к этому уже приметалась хозяйка и дворничиха его -- выжидал, говорю, чтобы работница Филиппа Ивановича вышла первая с метлой на улицу и подмела чистенько свою половину, перекидав при этом все кости, камни и битые кирпичи на сторону математика; тогда только выходила со двора его толстая бабица, с метлою в руках, начинала разметать

свою половину улицы и перекидывала могучею рукою все кости, кирпичи и камни на ту половину, присоединив к этому еще, в виде роста за услугу, пару отпков или что-нибудь в этом роде. Затем, разумеется, выходила и работница плешивого музыканта за тесовые ворота, и начиналась страшная, неумолчная брань; крик этот подзывал к окнам господ, которые вмешивались в беседу домочадцев своих и наконец расходились опять, пожелав друг другу высохнуть в квинту и подавиться углом.

И твари домашние неприятелей наших жили в таких же точно взаимных отношениях, как и господа их. Лишь только, бывало, пестравка -- то есть корова -- математика выкажет белобрысое рыло свое из ворот на улицу, в намерении пойти прогуляться немного на бульвар, как лягавый пес музыканта бросался на нее, очертя голову, захлестывая сам себе глаза огромными ушами своими, и подымал такой отчаянный лай, что музыкант и математик снова сталкивались у окон своих, -- и как второй никогда не упускал случая, чтобы пожелать первому высохнуть в квинту

и с собакой его, то этот также не оставался в долгу, посулив тому подавиться углом и с коровой.

Причина такой глубокой вражды двух доблестных мужей крылась по всей вероятности в различии их нравов, о чем мы уже достаточно рассуждали по поводу объяснения свойственного каждому из них способа дразнить собак. Филипп Иваныч кричал уже много лет по всему Козогорью, что Кондратий Семеныч преестественный подлец и всегда обносил его, Филиппа Иваныча, в глазах начальства, надеясь тем выслужиться, хотя это ему и не удалось, прибавлял всегда к этому Филипп Иваныч, и он, как человек крайне буйный во время пьянства, вынужден был оставить службу еще наперед меня; Кондратий Семеныч, напротив, рассказывал под шумок или по крайней мере насупив с высокостепенностью брови свои и поджимая губы, что Филипп Иваныч всегда бывал негодяем, небрег службою, занимался богопротивным скоморошничеством, нетерпимым даже и начальством, не смыслил ни аза в глаза, хотя и преподавал с неизъяснимым бесстыдством не

только древнюю историю, но даже и математику, о которой ему лично свойственны до того преограниченнейшие способы понятий, что он предполагает возможность подавиться математическим углом, то есть отвлеченным, вещественным понятием. К тому же, присовокуплял Кондратий Семеныч, этот прежалчайший невежда, как всякому известно, ведет самую наипредосудительнейшую жизнь и когда пьет, то располагаетя навзничь, обретаюсь в беспамятстве.

По Козогорью проворила, по части обстоятельных дел, как называл их математик, то есть по устройению супружеского благополучия, одна почтенная вдова, унтерша Кузминична; а в каком-то углу Козогорья нашелся лежалый товар, который понадобилось спустить с рук. Послали за Кузминичной и поставили ей чашку чаю. Она, как водится, сперва много жаловалась на тяжелые времена, удручающие женихов и отбивающие у них охоту жениться; потом посредством нескольких полтонов сделала приличный переход к тому, каких дрянных женихов высватывают нынче другие старательницы, с подведением рази-

тельных примеров; от этого уже ей легко было перейти к причине таких дурных выборов, то есть к неумению, незнанию дела и плохому старанию свах, прибавить, что, конечно, все на свете можно, только постараться надо, не пожалев хлопот и башмаков, которые стали нынче очень дороги, и наконец повершить дело таинственным уверением, что у нее даже есть на примете женихи и такие и сякие, -- словом, всех сортов, будто она держала их во всякое время в запасе целый подбор. Чай выпит, полтина на башмаки получена, необходимые сведения о приданом и других условиях забраны, и старательница отправилась домой.

Подумав немного, сваха под вечер отправилась к Кондратию Семенычу и, пошептавшись с постоялкой его, передала ей гостинца для ребят и просила удостоиться благосклонного лицезрения хозяина. Сваха эта никогда не ходила в дома иначе, как с заднего крыльца; поэтому она и тут наперед задобрила постоялку его.

-- Что, матушка Анна Кузминична, скажете?-- спросил, охорашиваясь, старый холо-

стяк, предвидя уже, о чем пойдет речь.

-- Проведать пришла, батюшка, больше ничего, только проведать. Каково-то вы ноченьку почивать изволили?

-- Слава богу; смущают меня, правда, умо-заключительные выводы пречистейшей и преотвлеченнейшей науки, но наивящше преогорчает наипреосудительнейшее поведение, из числа поступков одного ненавистнейшего, богопротивнейшего человека; математика же не преогорчает, но преободряет и процветает.

-- Вот точно,-- продолжала Кузминична по заготовленному ладу, не поняв вовсе, что тот сказал, да и не заботясь об этом,-- ведь это все я знаю отчего: одному-то вот и скучно и нелюбо, и ночи не спится и дома не сидится; один -- что такое? один и в поле не воин, одному и у каши не спору! а вот бы молодую хозяйку в дом, да хорошую, такую то есть, чтобы самую хорошую, кровь с молоком, да еще с пачкой, так бы оно вышло житье-то не вытье, а житье -- масленица!

Кондратий Семеныч прошелся по комнате, заложив руки за спину, потом стал против

Кузминичны, вытянулся во весь рост, провел ладонью снизу вверх по бороде и сказал: "Соотносительность летоисчисления не утрачена еще; душа преобладает и бодрствует. А что думаете, Анна Кузминична, это дело пресбыточное!"

-- Как, батюшка, несбыточное -- только меня держись, меня, горемычной, не покидай, без меня беда будет; сами знаете, ныне ведь все на одних обманах проживают, говорят: живут же люди неправдой, так и нам не лопнуть стать; а у меня не так, батюшка, у меня всё по правде. Не заносись только, батюшка мой родимый, а невеста будет преотличная, то есть отобъем у всякого; известно, ведь уж и вы, ни слова, что прехороший жених,-- а всё с изъянцем, уж насупротив того, что человек бы молодой и видный, например, непьющий и с хорошим достатком... да нужды нет, уж ты только на меня отдайся; я такое разодолжение тебе найду, что пальчики оближешь!

-- А например?-- спросил математик, улыбнувшись самым старательным образом.

-- И приветлива, и ухитлива,-- пустилась причитывать Кузминична,-- и козырная кра-

лечка собой, тише воды, ниже травы, а в люди повести куда угодно не стыдно; и благодатьница есть: свой сундук, по шести штук белья, все полотняное, четыре платья, два платка, третий вязаный -- своей работы... а уж рукодельница какая! Салоп хороших подлисков,-- я все правду говорю, без обману, как есть,-- мантион летний, серьги -- одни свои, другие ваши будут -- посудка на обзаведеньице, гребенка получерепаховая...

-- Да говорите предварительным способом,-- перебил ее нетерпеливый жених: -- из чьих?

-- А нельзя сказать этого никак, много захотел; этак не долго девку ославить, а там хоть вызолоти, куда с нею? Ну, сам посуди, после тебя-то кто ее возьмет? Нет, уж ты коли веришь, так верь; я говорю прямо, без обману; а ручки-то какие, а ножки-то... так вот ходит, из милости только что травки-муравки дотыкается... то есть пава павой, лебедь лебедем!

-- Ну, так что же, на смотринах пообстоятельствуем, что ли?

-- Какие тебе, отец мой, смотрины! не такой дом; надо ведь разбирать людей, вот ведь

и я бы к тебе не пришла теперь, кабы не знала в тебе добродетели; пожалуй, охотников-то ведь много, только им свистни, да я знаю сама, что человек, что одно название человека, а ты мне отдайся, так небось, отобьем всех; уж тут смотрено все без тебя, я спроста не пришла бы к тебе; а по рукам, так по рукам; тогда скажу на ушко, как и чувствовать, и пойдем на обрученье? А уж как благодарить будешь... то есть что твоя малина!

Кондратий Семеныч прошелся по комнате, вспомнил, как ему музыкант будет завидовать в счастья, и согласился. Сваха назначила рукобитье на третий день; долго еще рассыпалась в причитаньи, выпросила сахарцу и полтину на башмаки и обещала наведываться до послезавтра почаще, чтобы жених не скучал.

Прямым трактом от Кондратия Семеныча Кузминична отправилась в дом родителей невесты и после предварительного широковещательного хвастовства о своем уменье удивила их известием, что дело уже на мази, что смотрин, пожалуй, и не будет, а послезавтра, коли угодно, рукобитье.

Между тем рядом с этим происшествием и рука об руку с ним шло другое, впрочем довольно подобное ему. Дело в том, что на Козогорье выискивалась в недавнем времени какая-то вдова Терентьевна, неизвестного происхождения, которая осмеливалась уже не раз делать попытки, чтобы отбить у Кузминичны хлеб. По первым бойким приемам видно было, что она может сделаться опасной соперницей для Кузминичны, за которую было впрочем и старшинство по промыслу, и знание дела, и обычай, и самое доверие общества. Поэтому Кузминична, обещавшись при первой встрече наплевать ей в глаза, ходила уже к городничему с жалобой на нее, стараясь всеми силами своего красноречия убедить его в том, что Терентьевне таким делом заниматься стыдно и что ее надобно пристыдить при всех добрых людях, для чего собственно она, Кузминична, и положила на мере наплевать ей в глаза.

Итак, эта Терентьевна, промышлявшая, как Кузминична говорила, самодурью, пронюхала как-то, что соперница ее была в таком-то доме и тотчас же смекнула зачем. В

надежде насолить ей и отбить работу, Терентьевна, не долго думав и не зная, кого та сватала, сама накинула глазом на плешивых приятелей наших, математика и музыканта: но как первый ей показался спесивым и недоступным, да и работница второго приходилась одной ее знакомой сватьей, то она и отправилась к Филиппу Иванычу. Это случилось повечеру на другой день после сватовства Кузминичны.

Филипп Иваныч играл на скрипке веселую плясовую песню, искусно подбивая щелчком в кузов своего гудка, когда Терентьевна прокралась через двор его и вошла в сенцы, намереваясь также зайти наперед на женскую половину; но, услышав веселую, разудалую песню, она вдруг решилась идти без дальних обиняков прямо на приступ; распахнув смелым приемом двери в комнату хозяина, она прямо ввалилась туда пляшучи, притопывая ногами и прищелкивая пальцами. Такой способ заводить знакомства поразил несколько Филиппа Иваныча; но когда он убедился, что женщина эта не пьяна и в своем уме, то плач ее навзрыд, который последовал за пляской,

сильно тронул и порази́л его, потому что она плакала по бедной, злосчастной девице, которая потеряла свой покой через Филиппа Ивановича, ест не заест, спит не заспит,— словом, не может без него ни жить, ни умереть. Если ты, злодей, наслал это на мою пташечку, касаточку, так прикажи снять, не то я тебе жить не дам на свете.

Удивленный Филипп Иванович стал осведомляться обстоятельнее, едва помня себя от удовольствия, что он на старости лет свел с ума такую прелестную девицу. Через полчаса у него стоял уже на столе самовар, Терентьевна пила вприкуску, а он, оправляя жалкие остатки своих некогда рыжих волос, просил только о том, чтобы вести дело как можно по-секретнее и если оно пойдет на лад, то устроить его поскорее, чтобы не помешал Петровский пост.

Терентьевна вышла со двора заднею калиткой, под проводами самого хозяина, прошла задом и полетела прямо в дом невесты. Тут она обошла сперва осторожно кругом, поглядела во все щелочки ставней и, убедившись, что чужих нет, втерлась через заднее

крыльцо в покой.

По первым словам Терентьевны: "матушка, я к вам от добрых людей пришла и за добрым делом", мать невесты тотчас же поняла, о чем тут пойдет речь, и потому пригласила посланницу к себе в комнату и усадила. Она думала: запас не мешает, особенно при таком незавидном женихе, каков был математик, который для мещанской дочери был дорог только как чиновный человек, как дворянская или по крайности полудворянская душа, так же как у дочери ее была получерепаховая гребенка.

-- Ну, матушка, от кого же вы?-- спросила хозяйка, когда притворила за собою дверь.

-- Да от добрых людей; сперва бы от вас что-нибудь услышать, так можно бы потом и назвать.

-- Ну, да хоть так намекните как-нибудь, а то ведь и мы не знаем, что говорить; хоть из каких мест да каких примет, скажите.

Так как улицам не было названья в Козогорье, то Терентьевна и должна была объяснить по тамошнему, сказав, что домик свой, угольный, выходит на две улицы, а против уг-

да колодец.

-- Ну, ну,-- подхватила хозяйка,-- чиновный? в отставке? с лысиной? уж не в первой поре? случается, что запивает? домишко на боку? и год на воротах написан? -- И когда изумленная такую прозорливостью Терентьевна не могла отрицать ни одной из этих примет, относя их разумеется к своему суженому, между тем как та относилась к своему, то хозяйка отвечала, по заведенному порядку: "подумаем, матушка, подумаем", прибавив к этому еще, что этот суженый уже стучался в наши ворота.

Слово "подумаем" в этом случае означает согласие, оно было сказано из одного только приличия, хотя, как читателю известно, на завтра определено было уже рукобитье. Терентьевна, обрадовавшись этому, тотчас же пустилась на обычные причитанья на похвалу жениху, у которого оказались при этом случае: "руки с подносом, ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором".

-- А карманы с подкладкой,-- подхватила смеючись хозяйка, но, будто жалея сама об этой резкой остроте, прибавила:-- Ничего, ма-

тушка Агафья Терентьевна, так говорится, к слову пришлось; а вы, скажите-таки мне по правде, вы от него самого то есть?

-- От него самого, матушка, и прямо вот оттуда пришла, чтоб у меня руки и ноги отсохли!

-- Ну, так что же, матушка,-- как было сказано, так пусть и будет: милости просим на завтрашний вечер... благодарствуем на старании...

У Терентьевны вскружилась голова от радости, что она отбила работу у соперницы своей; она рассыпалась в похвалах и пожеланиях, потребовала посмотреть хорошенько на невесту, чтобы описать жениху всю красоту ее, тарантила пред нею четверть часа и пустилась прямо впритруску, разумеется опять по задам, к Филиппу Иванычу, где задняя калитка была заперта; поэтому Терентьевна принуждена была перелезть через забор.

На другой день в урочное время женихи мои разделись по мере средств и возможности и отправились по одному и тому же пути. Кондратий Семеныч вышел первый и вскоре заметил, что ненавистный сосед за ним сле-

дит. Он с негодованием остановился и заглянул на двор, где проходил, чтобы пропустить того мимо себя.

Исполнив это очень ловко, он опять продолжал путь свой, но не мог надивиться дерзости соседа, который теперь шел впереди, указывая ему дорогу. Когда они уже стали подходить к воротам суженой, то Кондратий Семеныч не утерпел: он стал браниться довольно громко и пустился огромными шагами вперегонку за Филиппом Иванычем и остановил его уже в воротах известного нам дома. Объяснение их началось бранью, с которою они оба подвигались от ворот к крыльцу. Между тем вдогонку за ними подоспела Терентьевна, которая удосужилась разузнать, в какой просак она попала, а потому и не посмела идти наперед женихов в дом невесты, но решилась появиться там в одно время со своим женихом и смело вступить в состязание с Кузминичной. В то же время хозяин дома, бедный мещанин, который жил, как большая часть мещан наших, неизвестно каким промыслом, вышел на крыльцо встречать жениха, а за хозяином выскочила и Кузминич-

на, увидав в окно приход незваных и неожиданных, а гости также подошли со скромностью к двери и к окнам.

Как только хозяин показался на крыльце и, сложив чинно руки на животе, стал раскланиваться в недоумении с двумя сужеными, то Кузминична, вскинувшись на Терентьевну, резким и внятным полуголосом стала бранить ее и спрашивать, зачем и по какому праву она пожаловала и к чему привела с собою этого бесстыдного пьяницу, т. е. Филиппа Иваныча, тогда как тут сошлись за добрым делом одни только добрые люди, и притом почетные, как вот Кондратий Семеныч; Терентьевна не осталась в долгу, обругав и Кузминичну и суженого ее, а затем ухватила своего Филиппа Иваныча за руку и без обиняков потащила его на крыльцо; Кузминична с своей стороны поспешила поступить точно таким же образом с Кондратием Семенычем, и как обе четы столкнулись на крыльце, то незастенчивая Терентьевна и нашлась вынужденною поймать Кондратия Семеныча за фалды и стащить его вниз. Тогда Кузминична в свою очередь толкнула Филиппа Иваныча в

грудь, и он, падая, наткнулся прямо на своего ненавистника, который поспешил удалить его от себя сильным толчком своего колена. С четверть часа времени крупные объяснения продолжались, на крыльце, обеими свахами, а перед крыльцом -- женихами. Усмирительные речи и поклоны хозяина, а равно и увещания некоторых, более расторопных гостей, все ушли на ветер, их никто не слушал и даже не слышал. Всякий из четырех действующих лиц был занят собою и собственною своею беседою. Жители Козогорья уже начинали сходитья у ворот и тесниться на дворе невесты; свахи, посчитавшись между собой почти врукопашную, обе наконец разбранили хозяина и хозяйку, плюнули на крыльцо проклинаемого ими дома и ушли со двора. Женихи, оба крайне обиженные таким соблазном и позором, сделали то же, и Кондратий Семеныч повернул из ворот налево, решившись лучше дать значительный круг, лишь бы не идти вместе с врагом своим. Народ раздался, расступился, когда молодые приблизились к воротам, некоторые смотрели вслед за ними, другие опять сомкнули круг и разинули рты,

глядя на опешившего хозяина и недоумевающих гостей его; но вскоре все разошлись, и в доме затихло.

С этого времени два соперника возненавидели друг друга до такой степени, что оба заколотили досками окна, бывшие напротив одни других, в переулок. Шаткие лачужки, с годом сломки на воротах и с ветхими кровлями, приняли от этого еще более унылый и разоренный вид; а ежедневные пожелания о том, чтобы одному высохнуть в квинту, а другому подавиться углом -- прекратились.

КОММЕНТАРИИ

При составлении настоящего сборника принималось во внимание то, что современный читатель имел до сих пор очень ограниченное представление о прозе В. И. Даля. В XX веке вышло лишь два сборника его художественных произведений -- "Повести. Рассказы. Очерки. Сказки" (М.--Л., 1961; переиздано с некоторыми сокращениями: Горький, 1981) и "Повести и рассказы" (Уфа, 1981). Вполне естественно, что за рамками этих двух изданий

остались многие произведения писателя, представляющие несомненный интерес.

Настоящий сборник является попыткой познакомить современного читателя с некоторыми из них. Представленные здесь повести и рассказы в советское время не переиздавались.

Как правило, все свои художественные произведения Даль публиковал в журналах и альманахах. В то же время писатель составлял сборники своей прозы, а затем подготавливал и издание собрания сочинений. В 1833-1839 гг. вышло четыре книги сборника "Были и небылицы Казака Луганского". В 1846 г. напечатано собрание сочинений в четырех частях -- "Повести, сказки и рассказы Казака Луганского" (на шмуцтитуле указывалось: "Полное собрание сочинений русских авторов"). Появляются сборники "Солдатские досуги" (1843) и "Матросские досуги" (1853). В 1861 г. М. О. Вольф осуществил издание "Сочинений" В. И. Даля в 8-ми томах (с указанием: "Новое полное издание"). При жизни Даля это было последнее собрание его сочинений. Переиздано оно в 1883--1884 гг. "Товариществом М. О.

Вольф". Наконец в 1897--1898 гг. то же издательство выпустило десяти томное "Полное собрание сочинений Вл. Даля (Казака Луганского). 1-е посмертное полное издание, сверенное и вновь просмотренное по рукописям, как "Бесплатное ежемесячное приложение к журналу "Новь".

Для настоящего издания была осуществлена научная подготовка текстов. За основу принималось последнее прижизненное издание. Текст его сверялся с предшествующими публикациями, а когда это было возможно, с авторскими рукописями. В тексты вносились обоснованные исправления. Особенности поэтики Даля, его стремление воспроизводить с большой точностью в своих произведениях живую речь современников заставили при приведении текстов в соответствие с современными орфографическими нормами сохранять во многих случаях авторское написание, дающее представление о речевой атмосфере эпохи.

Сохранены все подстрочные примечания автора. Остальные пояснения и комментарии подготовлены впервые. Сборник открывается

самым значительным из публикуемых сочинений -- повестью "Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета", далее произведения следуют в хронологическом порядке.

Рассказ был впервые напечатан в "Иллюстрированном альманахе, изданном И. Панавым и Н. Некрасовым" (Спб., 1848). Уже отпечатанный, альманах этот был запрещен при повторном цензуровании и в свет не вышел. Художник Н. А. Степанов сделал к рассказу В. И. Даля две иллюстрации, высоко оцененные Н. А. Некрасовым. Мы помещаем их в тексте.

В 1840-х гг. Даль начал публиковать в периодических изданиях небольшие рассказы, названные тогда же А. А. Краевским "Картинами русского быта". Собранные вместе, они заняли первые два тома сочинений Даля, изданных в 1861 г. Часть тиража этих двух томов имела титульный лист с надписью: "Картины из русского быта Владимира Даля" (вместо: "Сочинения..."). Рассказ "Смотрины и рубобитье" был помещен в т. II этого издания.

В рецензии на отдельное издание "Кар-

тин...", помещенной в журнале "Отечественные записки" (1861, № 8, отд. III, с. 168), говорилось: "Картины" эти -- собрание разных рассказов из жизни человека бывалого, пристально вглядывающегося в жизнь и описывающего то, что показывала ему эта жизнь. Такие факты, записанные человеком, проникнутым любовью к предмету, для нас драгоценны". Ранее в критическом обзоре "Русская литература в 1848 году" тот же журнал писал об одном из рассказов, что он "так же хорош, как и все рассказы г. Даля из русского быта: это всегда действительные происшествия" (1849, т. 62, отд. V, с. 31). Иной точки зрения придерживался московский цензор В. Н. Лешков, писавший М. П. Погодину: "Что это за картины Русского быта! Как на смех все уроды! И это Русь". (См.: Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 9. Спб., 1895, с. 287--288).

В дальнейшем рассказ "Смотрины и рукобитье" был перепечатан в 1883 г. в собрании сочинений В. И. Даля (т. V).

Стр. 325. *Швальня* -- портняжная комната, заведение, где шьют.

Отказной фурлейт -- отставной солдат.

Стр. 327. ...*бивал палями...*-- палками.

Хожалый -- служитель полиции для разных поручений, рассыльный.

Стр. 330. *Квинта* -- см. прим. к стр. 46.

Базарный -- полицейский, наблюдающий за порядком на базаре.

Стр. 331. ...*в виде роста за услугу...*-- то есть в виде процентов.

Стр. 334. ...*да еще с пачкой...*-- то есть "со своими серьгами", как объяснил это в своем "Словаре" Даль.

Стр. 335. *Ухитливый* -- способный вовремя защититься и защитить от невзгод.

Мантон -- женский наряд.

Стр. 336. *Рукобитье* -- здесь: "конец сватовства и начало свадебных обрядов" ("Толковый словарь" В. И. Даля).

Стр. 337. *Положить на мере* -- намереваться.

Гудок -- Здесь в переносном значении: имеется в виду скрипка (см. примеч. к стр. 277).

Стр. 338. *Петровский пост* -- весенне-летний пост, продолжительность которого, в зависимости от праздника пасхи, может длиться-

ся от восьми дней до шести недель.

Стр. 339. *Тарантить* -- бойко, торопливо говорить, тараторить.